

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ

*Достоевский
и экзистенциализм*

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 82.09
ББК 83.3
Е78

Ерофеев, В.

Е78 Достоевский и экзистенциализм / Виктор Ерофеев. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 205 с. — (Серия «Пальмира — университет»).

ISBN 978-5-517-10893-7

Настоящее издание — глубинное погружение писателя и литературоведа Виктора Ерофеева в художественный мир экзистенциализма. Ерофеев обращается к идеям А. Камю, Ж.-П. Сартра, Ф. Ницше, Л. Шестова, Н. Бердяева, Г. Марселя и анализирует их через призму произведений Федора Михайловича Достоевского. Однако своей целью автор видит не развенчание «мифа об „экзистенциалистском“ характере творчества Достоевского». Ерофеев размышляет о том, что само бытие в философии существования чревато метафизическим конфликтом веры и безверия, а человек — смертен. Издание адресовано специалистам в области изучения литературы и философии, а также широкому кругу читателей.

УДК 82.09
ББК 83.3

ISBN 978-5-517-10893-7

© Ерофеев В. В., 2024
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии»,
ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2024

Эта книга посвящается Веславе

Предисловие

«Достоевский написал однажды: „Если Бога нет — все позволено“, и это отправная точка экзистенциализма». Так сказал Сартр в публичной лекции «Экзистенциализм — это гуманизм». В свою очередь, слова Сартра мы избираем в качестве отправной точки для нашей работы. Они многозначны и многозначительны. В них выразилось стремление экзистенциалистов стать духовными наследниками русского писателя. В них — одна из первопричин экзистенциалистской концепции человеческой свободы, занимающей важное место в философии существования. В них, наконец, ключ к разгадке экзистенциалистской этики, напрасно обещанной Сартром в его труде «Бытие и ничто».

Внешне философов-экзистенциалистов объединяет, пожалуй, одно: все они так или иначе отрекались от принадлежности к «экзистенциализму». Это в равной степени относится как к М. Хайдеггеру¹, так и к К. Ясперсу, как

¹ Хайдеггер не только противопоставляет себя Сартру (см. его «Письмо “о гуманизме”»), но и своему соотечественнику К. Ясперсу: «Я очень уважаю Ясперса, — писал он в письме к Жану Бофре в 1945 году, — как личность и как писателя, его влияние на студенчество значительно. Но соединение,

к Г. Марселью¹, так и к Камю². Наконец, сам Сартр отмахивался от термина, предложенного специально для него Г. Марселем. «Моя философия, — объяснял он, — это философия существования, что же касается экзистенциализма, то я не знаю, что это такое»³. Впоследствии, в разгар экзистенциалистской моды во второй половине 40-х годов, Сартр примирился с этикеткой, но ненадолго.

Однако за рамками терминологических недоразумений между философами этого направления существует глубокая внутренняя связь. В самом общем виде экзистенциализм можно представить как реакцию на ослабление и одряхление межчеловеческих связей, на торжество «цен-

ставшее почти классическим, Ясперс и Хайдеггер — это явное недоразумение *par excellence*, которое распространено в нашей философии» (M. Heidegger. *Questions III*. Gallimard, P., 1966, p. 156.)

¹ Г. Марсель называл свою философию «неосократизмом или христианским сократизмом» (Философская энциклопедия, т. 3. М., 1964, с. 318.)

² В критике до сих пор идут споры, можно ли автора философии абсурда считать экзистенциалистом, тогда как он совершенно недвусмысленно заявлял в 1945 году: «Нет, я не экзистенциалист... Экзистенциалист — Сартр, а единственная философская книга, которую я опубликовал, “Миф о Сизифе”, была направлена против так называемых экзистенциалистских философов...» (Albert Camus. *Essais*. Gallimard, Paris, 1965, p. 1424). Однако если обратиться к «Мифу о Сизифе», то станет ясно, что книга вовсе не направлена против философов-экзистенциалистов; напротив, автор следует за ними, критикуя лишь религиозный «скачок» Кьеркегора, Ясперса и Шестова. Кроме того, в интервью, опубликованном уже после смерти писателя, на вопросы: «Согласны ли вы с посылками экзистенциализма? Что вы считаете ошибочным в его заключениях?» — Камю отвечал: «Если посылки экзистенциализма находятся, как я полагаю, у Паскаля, Ницше, Кьеркегора и Шестова, тогда я согласен с ними. Если его заключения — заключения наших экзистенциалистов, то я не согласен, потому что они находятся в противоречии с посылками» (Ibid, pp. 1926–1927). Думается, эта декларация вносит ясность в позицию Камю: он отстаивает свою независимость как мыслителя в рамках школы экзистенциалистской философии.

³ См.: S. de Beauvoir. *La force des choses*. Gallimard. Paris, 1963, p. 50.

тробежных» сил, разрушающих идею человеческой общности, в результате чего индивид сознает себя «выброшенным в мир», равнодушный или даже враждебный его существу, и, оказываясь один на один со своим земным «уделом», он познает случайность и хрупкость своего бытия, стремящегося к конечному уничтожению.

Экзистенциализм подготовлен всем ходом развития европейской цивилизации. Он знаменует собою предел философии индивидуализма, ее логическое завершение, в котором напрасно искать черты штирнеровского апофеоза, и одновременно ее кризис и начало распада.

Могучая энергия расщепленного Ренессансом атома индивидуализма оказала плодотворное влияние на европейскую культуру. Она стимулировала творческую активность человека, расширение его кругозора, стремление к свободе и самостоятельности, научные поиски и открытия, посыпавшиеся как из рога изобилия, которые несли в себе испепеляющий антихристианский заряд. Так, коперниковский переворот оказался одним из наиболее роковых событий в истории христианского мира, по умонастроению которого он нанес едва ли менее сокрушительный удар, нежели по птолемеевской астрономии. Достаточно обладать некоторым воображением, чтобы представить себе, как Земля из богоизбранного центра Вселенной превратилась в песчинку, затерявшуюся в просторах космоса и не имеющую никакого особенного предназначения. Камю, на наш взгляд, был несколько легкомыслен, когда заметил в «Мифе о Сизифе», что нет никакой разницы, что вокруг чего вращается: Солнце ли вокруг Земли или наоборот, — и он понимает отступничество Галилея: за онтологические

аргументы не умирают¹. Было бы, возможно, более остроумно предположить, что Галилей отступился потому, что если Земля вращается как простая, «затрапезная» планета, то что на ней имеет какой-либо смысл, в том числе героизм?... Кризис религии, «всеобщее ослабление веры», когда, по словам Ариосто, люди перестали верить во что-либо, находящееся выше их крыш², проистекал также в результате серьезных просчетов исторического христианства. Сращивание христианских институций с государственными консервативными образованиями неумолимо вело к тому, чтобы однажды в емкой и лаконичной формуле религия была названа «опиумом для народа». Атеизм стал радикален, как скальпель хирурга.

Вместе с тем энергия индивидуализма выделяла опасные «радиоактивные» излучения, которые исподволь разрушали самую сердцевину европейской культуры. Освобожденная личность, поставленная в ситуацию капиталистических общественных отношений, запамätовав гуманистическую щедрость ренессансной поры (хотя она также не определяется однозначно), стремилась к самоутверждению во что бы то ни стало. Антропология гуманизма, основанная на прекраснóдушной вере в добродетельность естественного человека (что нашло яркое выражение как в уставе Телемской обители Рабле, так и в руссоизме), была слишком поверхностна, чтобы найти объяснение этому феномену. Зло-

¹ Интересно отметить переключку, оставшуюся незамеченной критикой, между этой идеей Камю и рассуждением Шестова, относящимся к 1911 году, о том, что «теперь, вероятно, во всем мире мы не нашли бы человека, который бы согласился умереть в доказательство и ради защиты идеи Галилея» (Л. Шестов. Собр. соч. «Шиповник», СПб., б/г, т. V, с. 144).

² J. Burckhardt. La civilisation de la Renaissance en Italie. II, Ed. Conthier, P., 1964, p. 207.